ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
ТАТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

СООБЩЕСТВО ИСТОРИКОВ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РОССИИ

НАУЧНАЯ ПРАКТИКА И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИССИЯ

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

МОСКВА 2009

ББК 63.3
С 632

Редакционная коллегия:
д.и.н., проф. Л.П. Репина (отв. ред.)
д.и.н., проф. Г.П. Мягков
к.и.н., доц. О.В. Воробьева

Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. – М.: ИВИ РАН, 2009. – 336 с.

ISBN 978-5-94067-281-4

© Институт всеобщей истории РАН, 2009 г.
© Общество интеллектуальной истории, 2009 г.
© Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет

вень дисциплин, разрабатываемых кафедрой, и неопубликованные труды, в частности, кандидатская диссертация.

Кафедра продолжает подготовку биобиблиографических указателей трудов профессоров и преподавателей кафедры.

Для сохранения концептуальной определенности Научно-педагогической школы источниковедения Историко-архивного необходима не только постоянная рефлексия современного состояния научного знания и сложившихся образовательных стратегий эпохи постпостмодерна, но и исследование актуальных форм массового исторического сознания. В частности, требуют осмысления такие феномены как «фолк»- или «поп»-история, представленная массовой книжной продукцией и ее теле- и киноверсиями (например, фильм «1612», книги Д. Брауна и пр.), коммерческая продукция, пользующаяся массовым спросом и находящаяся за пределами науки («феномен Фоменко» и др.), краеведение, которое (в отличие от новой локальной истории) все больше воплощает «бытовой уровень исторического сознания» (по выражению О.М. Медушевской). Методологически строгое и четкое осмысление подобных феноменов имеет целью проведение границы на уровне «наука – ненаука» и крайне актуально именно в силу широкого распространения этих явлений в современной действительности.

О.М. Мельникова (Удмуртский ГУ, Ижевск)

Университетская научная школа и профессиональная социализация ученого-археолога

Антропологизация исторических исследований привела к саморефлексии археологического и шире – исторического – сообщества как в историко-научном, так и в социальном плане. Возрос интерес к личности археолога-профессионала, его особенностям и качественным характеристикам. В этом контексте особую актуальность приобретают проблемы профессиональной социализации, следствием которой выступает осознание археологом профессиональной идентичности. В процессе подготовки археологом должны быть получены не только разносторонние знания, но и сформированы компетенции, позволяющие выпускникам вузов быстро включаться в профессиональную деятельность и успешно ее выполнять. Поэтому для формирования новых поколений археологов большое значение приобретают вопросы результативности профессиональной социализации, которая может быть исследована и в историко-научном контексте.

Безусловно, миссия социализации нового поколения археологов лежит на всем сообществе археологов, поскольку оно представляет собой объединение ученых, принадлежащих одной научной дисциплине. Вместе с тем научное сообщество представляет собой не аморфную совокупность ученых. Одним из его значимых элементов выступают научные школы.

Именно они наиболее результативны в плане профессиональной социализации молодых археологов. Члены схоларного сообщества становятся референтной группой, которая оказывает значительное влияние на выбор усваиваемых норм и ценностей археологии. Это связано с тем, что важнейшей функцией научной школы является подготовка молодого поколения исследователей. Ученый – лидер научной школы и его коллеги стремятся сформировать из числа начинающих исследователей (студентов, аспирантов, докторантов) научных, а во многом и мировоззренческих единомышленников.

В процессе генезиса научной школы оформляется особая субкультура как система общих символов, ценностей, норм и образцов поведения, разделяемых археологами. Она тесно связана с содержанием изучаемого археологического источника, решаемой научной проблемой, предлагаемыми путями ее разрешения, а также ролью, которую в обществе играют ее представители. В широком смысле профессиональные нормы научной деятельности включают в себя несколько позиций: 1. Стремление учёного к передаче своих результатов коллегам. 2. Восприимчивость к новым идеям, не поддающимся со стороны давления научной моды. 3. Эрудиция и знания всех фактов, относящихся к области работы учёного. 4. Защита новых (но только обоснованных) идей, 5. Публикация материалов исследований в профессиональных изданиях, доклады на научных конференциях. 6. Умение отстаивать свое мнение, опираясь на логику изложения фактов и аргументацию, а не на эмоции; отказываться от гипотез, если науке становятся известны факты, их опровергающие. В рамках научной школы эти нормы приобретают определенную содержательную и личностную окраску.

Обучение в рамках научной школы выступает как средство профессиональной социализации, с помощью которого человек перенимает систему определенных навыков, знаний, опыта, моделей поведения. Но социализация включает в себя и воспитание, и всю совокупность стихийных воздействий, оказывающих влияние на процесс становления неофита и его вхождение в научное сообщество. В рамках научной школы актуально неформальное общение с коллегами, оно формирует не только представления о ценностях профессиональной деятельности, но и знакомит с человеческим аспектом профессиональных отношений. Поэтому следует отметить нравственную миссию научной школы. Чувство общественного долга, подвижническое отношение к своей деятельности, увлеченность работой, преданность идеалам научности – все это наряду с передачей собственного научного инструментария является важнейшим фоном профессиональной социализации археологов. Особую нравственную «нагрузку» несет лидер научной школы и ее интеллектуальное ядро.

Важнейшим каналом социализации молодого археолога является археологическая экспедиция. Отметим, что, в отечественной археологии в 70-е гг. XX в. изменился социальный состав лиц, работающих в экспеди-

циях. Это, уже, как правило, не наемные работники, которые до революции или в довоенные годы составляли основную рабочую силу на раскопках, а студенчество. К тому же устоявшееся положение археологии как учебной дисциплины сделало обязательной археологическую практику. Теперь в экспедиции оказались представители разных субкультур: с одной стороны, студент-практикант, жаждущий знаний, как правило, первокурсник, и даже школьник, с другой – археологи-профессионалы.

Перелопачивая в прямом смысле пыль веков, молодой человек испытывает невиданные прежде эмоции, в ходе раскопок всегда сопровождающие уникальное и неповторимое прикосновение к истории. Эти трудно вербализуемые через формальные термины эмоции с неизбежностью ставят перед ним важнейшие и вечные человеческие вопросы: Кто я таков? Как я могу соизмерить себя с историей? И еще шире – в чем смысл бытия человека? Эти вопросы, безусловно, требуют обсуждения и немедленного осмысления. Но нужен специальный текст для такого осмысления. Им и стал текст песни. Носителем этого текста, как правило, выступает старший коллега, которому можно доверять, а нередко сам лидер научной школы. Для молодых творчески активных людей диалог через песню, несомненно, делает привлекательной и науку. Археология, в значительной мере достаточно скучная в своих текстах наука, поднимается до уровня реальной истории, свидетелями, участниками и творцами которой являются студенты.

Особенности профессиональной социализации археологов как исследователей в рамках научной школы выражается в развитии у студентов готовности к разным видам деятельности, основанным на высокой интенсивности межличностных коммуникаций и групповых формах работы. Это способствует формированию высокой адаптивности к различным формам деятельности, профессиональной мобильности выпускника, способного справляться с различными условиями и жизненными ситуациями. Поэтому неслучайно практически все первые выпускники О.Н Бадера в Пермском университете получили ученые степени кандидатов и докторов наук, сами стали успешными организаторами науки. Тоже можно сказать и о свердловских учениках В.Ф. Генинга. Об этом свидетельствуют и факты из истории археологической научной школы Удмуртского университета, члены которой защитили кандидатские и докторские диссертации по этой специальности. При этом ряд выпускников получил ученую степень по другим научным дисциплинам.

Современная ситуация в обществе вынуждает искать новые способы адаптации схоларного археологического сообщества к социальным новациям. Неадекватные финансовые ресурсы на развитие полевых исследований и публикацию материалов негативно влияют на приращение источника, его изучение и введение в научный оборот (а именно в специфике источника и подходах к его изучению можно увидеть своеобразие археологических научных школ). Вследствие неадекватности затрат на про-

изводство нового знания и заработной платы особенно начинающих исследователей страдает мотивация кадрового состава. Отсутствие отработанных государственных механизмов социального заказа на подготовку археологов, проблемы трудоустройства затрудняют адаптацию в профессии, что разрушает сложившиеся еще в советское время механизмы в развитии археологических научных школ через научный кружок, археологическую экспедицию, специализацию по археологии.

Их разрушают новые альтернативные формы профессиональной консолидации в виде социальных сетей. С одной стороны, они позволяют весьма активно продуцировать идеи и достижения научной школы, расширять круг ее сторонников и формировать тем самым незримые колледжи. Но проблема состоит в том, что не все археологические школы активно позиционируют себя в виртуальном пространстве. Нередко наибольшую активность в этом направлении играют маргинальные ученые, не сумевшие вписаться в существующие профессиональные субкультуры. Среди них встречаются просто непрофессиональные деятели, лжеученые, квазиученые (каковыми можно назвать многочисленные сайты черных археологов). Их деятельность подвергает угрозам и разрушает профессиональные идентичности.

Очевидно, что научные школы должны осваивать новые ниши не только для пропаганды профессиональных норм в виде научных идей, методов исследования и их результатов, но и для пропаганды этических ценностей археологии.

Е.А. Селунская (Тверский ГУ)

Истпарты как центры научно-исследовательской и идейно-политической консолидации обществоведов в 1920-е гг. (на примере Тверского истпарта)

Истпарты стали одними из важнейших центров исторической науки в СССР в 1920-е гг. В новых исторических условиях, а именно в первые годы после революции 1917 г. и гражданской войны, они были образованы с целью создания истории партии, оказавшейся у власти в результате длительной борьбы и противостояния различных политических сил. Таким образом, в исторической науке появилась почва для развития особого направления – истории революционного движения и истории Коммунистической партии, которое на несколько десятилетий стало одним из приоритетных среди историков.

Истпарты осуществляли свою деятельность по различным направлениям: собиранию и хранению исторических документов, учету участников революционного движения и членов Коммунистической партии, изданию статей и воспоминаний, подготовке выставок, участию в проведении «революционных» праздников и в агитационно-пропагандистской